

Булаховский Кирилл Анатольевич

**ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИОННОГО ВЛИЯНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В
УКРАИНИЗИРОВАННОМ ПРОГРАММНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ**

В статье рассматривается вопрос интерференционного влияния русского языка на украинизированное программное обеспечение. Интерференция исследована на лексико-семантическом и грамматическом уровнях. Также затронута терминология. Определен характер интерференционных нарушений, установлены причины их появления в текстовых интерфейсах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 48-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.161.2'271:001.4:004.4

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос интерференционного влияния русского языка на украинизированное программное обеспечение. Интерференция исследована на лексико-семантическом и грамматическом уровнях. Также затронута терминология. Определен характер интерференционных нарушений, установлены причины их появления в текстовых интерфейсах.

Ключевые слова и фразы: интерференция; русский язык; украинизированное программное обеспечение; нарушения; текстовый интерфейс.

Булаховский Кирилл Анатольевич

*Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Украина
sueldo@yandex.ru*

ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИОННОГО ВЛИЯНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УКРАИНИЗИРОВАННОМ ПРОГРАММНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ[©]

Так сложилось исторически, что в Украине уже более трех столетий сосуществуют два восточнославянских языка – украинский и русский. Это и определяет, главным образом, языковую ситуацию в государстве, квалифицируемую специалистами как *билингвизм*, или *двуязычие*, в широком понимании этого слова. Билингвизм, к большому сожалению, не может быть идеальным в нормативном плане. Практика показывает, что функционирование в социуме двух языков, как равноправное, так и диглосное, влечет за собой их взаимовлияние: элементы одного языка проникают в другой и наоборот. Украинский лингвист М. П. Кочерган по этому поводу пишет: «...две языковые системы вступают в контакт, влияют друг на друга, в результате чего появляются контактно обусловленные отклонения от языковой нормы...» [4, с. 341]. В научной литературе такое вызывающее отклонения от языковой нормы взаимовлияние на синхронном уровне получило название *интерференция*. Кроме того, этим термином также обозначают непосредственно результат данного взаимодействия. Отметим, что языковая интерференция активно изучалась и изучается как отечественными, так и зарубежными учеными (Ю. А. Жлуктенко, С. В. Семчинский, У. Вайнрайх и многие другие).

Интерференционное влияние в Украине особенно интенсивно, поскольку оба языка являются близкородственными. В результате интерференции происходит процесс переноса тех или иных особенностей русского языка в украинский и наоборот, причем чаще всего особенности языка-производителя переносятся на те элементы системы языка-реципиента, которые не соответствуют элементам системы языка-производителя, то есть интерференция локализуется там, где есть различие и расхождение двух систем. Процесс влияния русского языка на украинский более весомый. Причина этого следующая: «...в ситуации украинско-русского двуязычия дело кардинально усложняется тем обстоятельством, что в Украине приблизительно на протяжении 350-ти лет существовало не идеальное, равноправное, двуязычие, а двуязычие диглосное, то есть такое, которое сопровождается функциональным неравенством языков» [7, с. 47]. Интерференции со стороны русского языка способствует несколько факторов: 1) массовое и диглосное двуязычие; 2) украинский язык для многих не является родным, а освоенным вторым после родного русского и нередко освоенным не на надлежащем уровне. Естественно, что в такой ситуации у русскоговорящих украинский язык подсознательно воспринимается сквозь ментальную призму моделей системы русского языка, что и оставляет отпечаток в форме интерференций разного характера.

Интерференция со стороны русского языка проявляется на всех уровнях лингвальной структуры в виде так называемых *русизмов*. *Русизм* – широкое понятие, под которым понимается «разновидность заимствования; слово, его отдельное значение, выражение, грамматическая форма и т.д., заимствованные из русского языка или образованные по его образцу» [8, с. 569]. Заметим, что русизмы могут быть как нормативного, так и ненормативного плана. К примеру, нормативными русизмами в украинском языке являются некоторые заимствованные лексемы: *декабрист*, *завод*, *мислитель*, *указ*, *гучномовець*, *телебачення* (последние две лексемы – кальки русских *громкоговоритель* и *телевидение*) и т.д. В нашем же исследовании речь пойдет исключительно о ненормативных русизмах. Русизмы как результат интерференции встречаются в речи школьников, студентов, учителей, преподавателей, политиков, языке средств массовой информации и т.д. Массовые ненормативные русизмы непосредственно затрагивают проблему культуры украинской речи, поэтому они неоднократно становились предметом внимания ряда украинских языковедов (А. П. Коваль, А. Д. Пономарёв и др.).

Возникают русизмы во всех сферах, связанных с речевой деятельностью. К таким сферам, в частности, относятся компьютерные технологии, а именно программное обеспечение (ПО). Как известно, взаимодействие человека с ПО осуществляется через текстовый интерфейс (ТИ), представленный визуально в виде определенного человеческого языка, цифр, условных графических знаков, пиктограмм, которыми зашифрован машинный код. В Украине ПО распространено преимущественно на трех языках: русском, украинском

и английском. Проведенный нами анализ украинизированного ПО показал, что текстовые интерфейсы содержат большое количество нарушений норм современного украинского литературного языка, обусловленных интерференцией. Для анализа мы выбрали 29 наиболее популярных среди украинских пользователей программ (*ACDSee, avast, Firefox, µTorrent* и др.), а также 5 программных справок (HTML Help). В результате их рассмотрения с нормативной точки зрения было обнаружено более 1 265 случаев отклонений от норм современного украинского литературного языка (иначе говоря, ошибок), из которых русизмы составили 67,6%. Русизмы зафиксированы на следующих уровнях: морфологический, лексико-семантический, синтаксический. В частности, интерференционное влияние русского языка ощутимо в компьютерной терминологии, являющейся неотъемлемой частью любого ТИ.

Наибольшее число русизмов отмечено на лексико-семантическом уровне, что и неудивительно, так как из всех остальных уровней лексико-семантический является наиболее динамичным и открытым, что делает его уязвимым перед внешним воздействием: «Лексика первой реагирует на контакт с другим языком, пусть даже совсем кратковременный и поверхностный» [3, с. 103]. В лексике в основном обнаружены русизмы следующих двух типов: 1) лексемы с несвойственным им значением (семантизационные); 2) устойчивые конструкции, построенные по моделям русского языка.

Приведем примеры первого типа. *Відчинити* теку розташування; *керівництво* з якості зв'язку; *невірний формат словника*; *об'єм перевірених даних* вместо *відкрити* теку розташування; *інструкція з якості зв'язку*; *неправильний формат словника*; *обсяг перевірених даних* (русс. *открыть* папку расположения; *руководство по качеству связи*; *неверный формат словаря*; *объем проверенных данных*). В этих примерах украинские слова *відчинити, керівництво, невірний, об'єм* приобрели в результате интерференции несвойственные им значения синонимических, но не тождественных слов русского языка *открыть, руководство, неверный, объем*, которые намного шире по значению по сравнению с аналогичными украинскими. Если по-русски совершенно законно можно сказать: *открыть* планету, *открыть* двери; *руководство* страны, *руководство* пользователя; *неверные* сведения, *неверный* муж; *объем* комнаты, *объем* диссертации, то в украинском языке в каждом отдельном случае будут разные слова (*відкрити* планету, *відчинити* двері; *керівництво* країни, *інструкція* користувача; *неправильні* відомості, *невірний* чоловік; *об'єм* кімнати, *обсяг* дисертації). Так, хотя украинское *невірний* и русское *неверный* имеют общую этимологию, их значения несколько различны: украинское означает «непостоянный, изменчивый во взглядах, отношениях с кем-либо; нарушающий верность»; русское – «не соответствующий истине, действительности; такой, которому нельзя верить, доверять; изменяющий своему долгу».

Лексические русизмы в ТИ часто появляются под влиянием «ложных друзей переводчика». Русские синонимические и омонимические слова вызывают неправильные ассоциации с соответствующими украинскими, что и приводит к ненормативному употреблению последних. Относительно «ложных друзей переводчика» В. В. Акуленко пишет: «Все эти семантически несколько разнородные случаи объединяет то практическое обстоятельство, что слова, ассоциируемые и отождествляемые (благодаря сходству в плане выражения) в двух языках, в плане содержания или по употреблению не полностью соответствуют или даже полностью не соответствуют друг другу» [1, с. 372].

Отклонения нормативного характера в ТИ проявляются не только на уровне отдельных лексем, а и на уровне устойчивых конструкций. Как известно, устойчивые конструкции даже родственных и близких языков имеют существенные отличия. По этой причине их невозможно перевести буквально. Каждой русской устойчивой конструкции или обороту следует отыскивать максимально подходящий эквивалент, который может быть как в форме словосочетания, так и отдельной лексемы. Примеры: *...не розпізнає оновлену версію в якості такої, якій можна довіряти; на протязі* ось вже 662 днів; *ні одну кнопку* не обрано вместо *...не розпізнає оновлену версію як таку, що їй можна довіряти; протягом* ось вже 662 днів; *жодну кнопку* не обрано (русс. *...не распознает обновленную версию в качестве такой, которой можно доверять; на протяжении вот уже 662 дней; ни одна кнопка не выбрана*). В данных примерах локализаторы интерфейсов буквально перевели на украинский русские конструкции *в качестве, на протяжении, ни одну*, в то время как в украинском языке им соответствуют несколько иные формы: *як, протягом, жодну*.

На морфологическом уровне также представлены нарушения самого различного плана, из которых особого внимания заслуживает немотивированное употребление действительных причастий настоящего времени с суффиксами *-уч-* (*-юч-*), *-ач-* (*-яч-*) типа *плаваючий*, аналогичных русским действительным причастиям настоящего времени на *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*) – *плавающий*. Эти причастия не чужды ни русскому, ни украинскому языкам. Тем не менее, отличие двух языков состоит в том, что в русском языке эти причастия получили широкое распространение как в устной, так и в письменной речи. Причем произошло это, главным образом, из-за старославянского книжного влияния, которое в русском языке было гораздо большее, чем в украинском (сравните также не свойственное восточнославянским языкам, но распространенное в русском литературном языке неполногласие *Владимир, глава, мрак, нрав, сладкий*. Укр.: *Володимир, голова, мірок, норов, солодкий*). Украинский язык, ввиду известных социолингвистических факторов, развивался преимущественно на основе разговорной речи, в которой эти причастия либо редуцировались, либо перешли в прилагательные. Позже эти формы возродились в книжных стилях (особенно в советскую эпоху), но все же их употребление в современном украинском литературном языке ограничено (они не образуются от глаголов с постфиксом *-ся*, не субстантивируются, не образуют причастных оборотов, как в русском языке). Русские причастия при переводе на украинский заменяют на прилагательные, существительные либо описательные

конструкции. Примеры: *діючі ліцензії*; *замінити існуючий файл*; *коригуючий шар*; *спливаюче повідомлення* вместо форм с прилагательными *чинні ліцензії*; *замінити наявний файл*; *коригувальний шар*; *спливне повідомлення*. В приведенных примерах действительные причастия настоящего времени появились под влиянием русского языка, где их употребление в этих случаях будет закономерным: *действующие лицензии*; *заменить существующий файл*; *корректирующий слой*; *сплывающее сообщение*.

На уровне синтаксиса влиянием русского языка обусловлено немотивированное употребление общего для обоих языков предлога **по** в ряде конструкций, например: *по запиту*; *зміни по родах, числах та відмінках*; *заповнення по ширині*; *інструкція по установці веб-камери* вместо *за запитом*; *зміни за родами, числами та відмінками*; *заповнення за шириною*; *інструкція з інсталяції веб-камери*. В примерах отчетливо прослеживается влияние русского языка, в котором предлог **по** является полисемантическим. Переведем примеры на русский: *по запросу*; *склонение по родам, числам и падежам*; *заполнение по ширине*; *инструкция по установке веб-камеры*. Предлог еще индоевропейского происхождения **по** присутствует в современном украинском литературном языке, но нормативно он употребляется прежде всего для выражения пространственных, объектных, временных, определительно-обстоятельственных отношений (ср.: *гуляти по вулиці*, *плисти по морю*, *ходити по лісу*, *вдарити по столу*, *по закінченню школи*). Русск.: *гулять по улице*, *плыть по морю*, *ходить по лесу*, *ударить по столу*, *по окончании школы*). В русском же языке его значение шире, а значит, шире функциональность и валентность (*гулять по парку*, *учебник по информатике*, *отправит по электронной почте*). В украинском в зависимости от значения и контекста русские конструкции с предлогом **по** передаются конструкциями с предлогом **по**, с другими предлогами или вообще без предлога. Сравните приведенные выше три примера в украинском переводе: *гуляти по парку*, *підручник з інформатики*, *надіслати електронною поштою*.

Широкое распространение в Украине русифицированного ПО сказывается и на украинской компьютерной терминологии. Приведем яркий пример. Ошибочным из-за своего адъективного компонента *жорсткий* является употребление в ряде ТИ терминологического словосочетания *жорсткий диск* вместо правильного *твердий диск* для обозначения устройства, использующего магнитную запись и служащего для хранения большого объема информации. Термин *жорсткий диск* образован методом калькирования на основе аналогичного русскоязычного термина *жесткий диск*. Обе лексемы *жесткий* и *жорсткий* имеют общую этимологию. Несмотря на общность происхождения, они в обоих языках постепенно разошлись по своей семантике. Две лексемы, как подают этимологические словари [2; 5], происходят от старославянского *жестокъ*, имевшего значение «твердый». Русская лексема сохранила и первичное значение («твердый, плотный»), и форму старославянизма. Между тем в украинском языке слово претерпело, вероятно, под влиянием слова *шорсткий*, изменение формы, а вместе с ней и значения: *жорсткий* – «имеющий твердую, неровную поверхность; шершавый». На самом деле обозначаемое терминологическим словосочетанием устройство, как правило, имеет твердую, но гладкую поверхность. В связи с этим использовать определение *жесткий* в русскоязычном термине правильно, в украинском же *жорсткий* – нет. Сравните технический термин в русском языке *жесткая вода*, имеющий в украинском аналог *тверда вода*.

Украинская компьютерная терминология, пока еще находящаяся в процессе своего формирования, характеризуется наличием большого количества терминов-дублетов, в частности, дублетов в форме русизмов, которые появляются в результате неоправданного, как в примере выше, калькирования соответствующих русскоязычных единиц.

Ограниченные рамки статьи, к сожалению, не дают возможности комплексно представить проблему интерференционного влияния русского языка в украинизированном программном обеспечении с использованием обширного фактического материала. Однако наш краткий анализ показал следующее.

1. Интерференционные отклонения от норм современного украинского литературного языка под влиянием русского возникают, прежде всего, в частично или полностью несовпадающих участках языковой системы. Это касается лексико-семантического и грамматического языковых уровней. Так, лексические нарушения нормы под влиянием «ложных друзей переводчика» возникают там, где в русском функционирует одно слово для нескольких значений, а в украинском для каждого отдельного значения употребляется конкретное слово. К примеру, русскому многозначному *отношение* в украинском соответствует свыше семи лексем *відношення*, *відносини*, *взаємини*, *ставлення*, *стосунки*, *стосунок*, *лист* и так далее. Переводчик, не знающий этой особенности, во всех значениях употребляет только один вариант – *відношення*. Также следует добавить, что любая межъязыковая интерференция имеет стихийный характер [6, с. 98], как и наблюдаемая нами русско-украинская.

Конечно, в предлагаемом исследовании приведены не все типы отклонений в форме русизмов. Однако сделанный анализ позволяет говорить о причинах их появления в процессе украинизации ПО, а именно: а) русизмы в ТИ появляются в результате украинизации ПО не на основе оригинала (для ПО оригинальным языком является английский в его американском варианте, поскольку именно США и некоторым другим странам Запада принадлежит первенство в разработке и производстве информационных технологий), а на вторичной – русскоязычной. Русский язык нередко выступает посредником при переводе ТИ с английского на украинский, что не может не сказываться на качестве получаемого текста. Такую практику можно оценивать только негативно: при локализации чрезвычайно важно сохранить первичное содержание кода. При переводе же через язык-посредник этот код в определенной мере искажается, кроме того, русские локализаторы, переводя ТИ с английского, также нередко допускают ошибки. ПО следует локализовать

исключительно на основе оригинала; б) ПО часто украинизируют недостаточно компетентные в филологическом плане любители-программисты.

Отметим, что проблема нормативности языка ТИ актуальна не только для украинизированного ПО, но и для русифицированного. Русифицированные системные и прикладные программы, как показали наши наблюдения, также нередко содержат в ТИ нарушения норм современного русского литературного языка. Как яркий пример можно привести использование в русскоязычных текстовых интерфейсах почти всех типов программ англо-американского разговорного слова *ok*, впоследствии ставшего термином информационной сферы. Его активно употребляют в диалоговых окнах в качестве команды для подтверждения внесенных изменений. Необходимость в этом заимствовании вызывает сомнение. В русском языке достаточно собственных ресурсов для данного контекста: *да, согласен, хорошо*. И если в Украине вопрос функционирования украинского языка в ПО с нормативной точки зрения более-менее изучается, то в России научные работы по функционированию русского языка в этой сфере практически отсутствуют. Сегодня компьютерные технологии являются неотъемлемой частью нашей жизни: их активно используют как в Украине, так и в России в государственных учреждениях, научно-исследовательских и образовательных заведениях, банковской и предпринимательской деятельности, частные пользователи, особенно молодежь. Поэтому необходимо обеспечить качественное и нормативное функционирование языка ТИ.

2. Несмотря на генетическую близость русского и украинского языков, определенную общность исторического развития (объединение с Московским государством после Переяславской рады 1654 г., пребывание Украины в составе Советского Союза), они во многих случаях имеют значительные отличия в фонетике, лексике, фразеологии и грамматике. Эти отличия обязательно следует учитывать при переводе с русского на украинский и наоборот.

Интерференцию на синхронном уровне лингвисты наблюдают везде, где есть хотя бы малейший контакт двух или более языков. В наш век глобализации языковая интерференция особенно интенсивна. Ее изучение чрезвычайно актуально для культуры речи, теории перевода, методики изучения иностранных языков. Интерференцию необходимо и важно повсеместно изучать с целью выяснения сущности этого сложного и многогранного явления.

Список литературы

1. **Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика»** / под общим рук. В. В. Акуленко. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 384 с.
2. **Етимологічний словник української мови**: у 7 т. / за ред. О. С. Мельничука. Київ: Наукова думка, 1985. Т. 2. 570 с.
3. **Жлуктенко Ю. О.** Мовні контакти. Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1966. 135 с.
4. **Кочерган М. П.** Загальне мовознавство. Київ: Академія, 2003. 464 с.
5. **Краткий этимологический словарь русского языка** / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
6. **Купчинаус Н. Э.** О явлении межязыковой интерференции при изучении латинского языка и способах ее преодоления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7). С. 97-100.
7. **Труб В. М.** Явище «суржику» як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство. 2000. № 1. С. 46–58.
8. **Українська мова: Енциклопедія.** Київ: Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2004. 824 с.

MANIFESTATION OF RUSSIAN LANGUAGE INTERFERENTIAL INFLUENCE ON UKRAINIZED SOFTWARE

Bulakhovskii Kirill Anatol'evich

Odessa National University named after I. I. Mechnikov, Ukraine

sueldo@yandex.ru

The author considers the question of the Russian language interferential influence on the Ukrainianized software, researches interference at lexical-semantic and grammatical levels, also discusses the terminology, determines the character of interferential violations, and reveals the reasons of their manifestation in text interfaces.

Key words and phrases: interference; Russian language; Ukrainianized software; violation; text interface.